

В.И. Иванова

СТРУКТУРНАЯ, ПОЗИЦИОННАЯ И РИТОРИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРЫ МИКРОТЕКСТА

Язык, будучи средством коммуникации и одновременно средством реализации мысли, должен в своем статическом и динамическом проявлении, в своих формах и в их применении отражать закономерности мыслительного процесса, который в свою очередь отражает явления объективной действительности [3: 20].

Синтаксическая подсистема языковых структур, к числу которых относятся синтаксема, словосочетание, простое предложение, сложное и осложненное предложение, микротекст, обеспечивает языку возможность выполнения основных функций – мыслительной и коммуникативной.

Исходной структурой для синтаксической системы является простое предложение. Простое предложение представляет языковое выражение мыслительного акта предикирования, т.е. приведения в связь мысли о некотором факте действительности (субъект мысли) и мысли о признаке, свойстве, оценке этого факта (предикат мысли). Физиологической основой предикирования является замыкание нервной связи между клетками мозга, хранящего коды субъекта и предиката мысли [9: 282]. Два члена предложения, обозначающие субъект и предикат мысли, находятся в предикативном отношении и образуют структурную схему простого предложения. Структурная схема складывается из словоформ, выражающих субъект и предикат мысли. Структурная схема является означающим для одного предикативного акта, акта предикирования, состоявшегося в мозгу говорящего. Одна структурная схема монопредикативна, т.е. является знаком одного предикативного отношения [9: 283].

Предикационный аспект плана содержания предложения-высказывания рассматривался нами в [4: 47 и сл.]: описана лингвистическая сущность предикации, синтаксические категории утверждения и отрицания, исследован вопрос о синкретичности позиции субъекта в предложении и т.д. Содержание предикативного отношения может быть как угодно разнообразным, но набор структурных схем ограничен. Они обобщают, систематизируют типы предикативных отношений, выражаемых на данном языке. Каждая структурная схема имеет в качестве означаемого свой вид предикативного отношения [9: 284].

Предикативное отношение устанавливается не только между подлежащим (именем в именительном падеже) и сказуемым (глаголом в личной форме). Это типичная форма логического суждения, ядро поля языковых форм предикации. В конкретных высказываниях предикативное отношение получает различную манифестацию. Например, в высказывании *Мы изучаем общее языкознание на четвертом курсе* предикат мысли выражен

компонентом на четвертом курсе. Как известно, идея об отсутствии прямой жесткой связи между субъектом и предикатом мысли и конкретными членами предложения нашла реализацию в учении об актуальном членении предложения, согласно которому содержанием субъекта суждения является тема, а содержанием предиката суждения является рема.

Структурная схема предложения не коррелирует с темой и ремой высказывания. Одна и та же структурная схема может быть использована для разных последовательностей тем и рем. Возможность выражать в конкретных высказываниях тему и рему возникает благодаря сцеплению высказываний в тексте и является категорией текста, а не системы языка [9: 289]. Это явление изучается в теории текста и в коммуникативном синтаксисе. Структурные схемы как знаки предикативного отношения между субъектом мысли и предикатом мысли – категория системы языка. В составе текста структурные схемы могут входить в сложные взаимодействия друг с другом.

Содержание логического суждения исчерпывается наличием утверждения или отрицания некоторого предиката по отношению к некоторому субъекту. Содержание, которое способны передавать разные структурные схемы простого предложения, гораздо богаче. Предикативное отношение совмещается со значением предикативности и модальности (см. об этом [4: 74 и сл.]).

Согласно [9: 291], структурные схемы являются знаками обобщенных смыслов (синтаксических концептов). Основные из них: кто/что есть (где); кто действует чем; кто/что есть какой; кто идет куда/откуда; кто делает что; кому есть каково и некоторые другие. Каждая из этих моделей находится в ядре своего функционально-семантического поля.

В реальных высказываниях помимо структурной схемы, образуемой главными членами предложения, участвуют разнообразные распространители, которые в традиционной грамматике описываются как второстепенные члены предложения (дополнения, обстоятельства). В конкретном высказывании названы участники ситуации (актанты) и обстоятельства, в которых разворачивается данная ситуация (ситуанты). Вместе с главными членами предложения актанты и ситуанты образуют позиционную схему высказывания [9: 292]. Почти в каждом высказывании актанты и ситуанты представлены в разном количестве и разном составе. Но их позиции постоянно воспроизводятся по определенным правилам.

Позиционная схема состоит из словоформ или их аналитических эквивалентов. Словоформа манифестирует семантику высокого уровня абстрагирования: деятель, место действия, цель действия, объект действия, орудие действия и т.п. [Op. cit.: 297]. Эти семантические категории в той последовательности и в том наборе, в каком они оказались в конкретном высказывании, образуют его пропозицию. Пропозиция является означаемым конкретной позиционной схемы. В пропозиции отражается денотативная ситуация, о которой идет речь. Пропозиция состоит из мысленных

образов внешнего мира, обобщенных до уровня понятийных классов: место, время, причина, действие, способ действия и т.п. [Ibid.].

В [4: 32 и сл.] нами описан номинативный аспект предложения-высказывания, рассмотрены проблемы соотношения концептуального, семантического и лексико-грамматического уровней пропозиционального содержания [Op. cit.: 38], описаны семантические типы предикатов и семантические роли аргументов.

Простые предложения, элементарные осложненные предложения (с осложняющими оборотами), сложные предложения являются теми кирпичиками, из которых в процессе речи строятся разнообразные многокомпонентные конструкции, являющиеся уже фрагментами текста, микротекстами. В синтаксическом блоке системы языка они не заложены [9: 300]. Хотя мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения [2: 16], и хотя предложение обладает всеми необходимыми свойствами, чтобы служить формой речевого общения и выражать мысли человека (имеет субъектно-предикатную структуру, характеризуется интонационной законченностью, соединяет в себе функцию номинации с когнитивной и коммуникативной функциями) человеческая речь редко сводится к отдельным предложениям [7: 16]. Человек выражает свои мысли, сообщает их другим людям в форме высказываний, состоящих в большинстве случаев из цепочки взаимосвязанных предложений-высказываний, образующих сверхфразовое единство, микротекст.

Термин «сверхфразовое единство» имеет много синонимов: сложное синтаксическое целое, сложное синтаксическое единство, синтаксический комплекс, компонент текста, фрагмент текста, секвенция, цепь предложений, абзац, суперфраза, дискурс, диктема, регистр, высказывание, монологическое высказывание, прозаическая строфа, синтаксический комплекс, коммуникативный блок и т.д. Эти термины часто применяются для определения разнородных явлений, но все они имеют одно назначение – определить более крупную, чем предложение, единицу, в которой предложение выступает в качестве конституэнта (см. историю вопроса и библиографию в [7]).

Исследуя вопрос о функционировании предложения-высказывания в тексте [4: 108], мы рассмотрели соотношение микротекста и сверхфразового единства, сверхфразового единства и сложного синтаксического целого и т.д. В работе даны примеры анализа структуры микротекстов, отмечено, что текст может быть представлен как иерархия предикаций и иерархия пропозиций. Можно установить макроинтенцию текста, а также установить соответствие типового значения микротекста и рематической доминанты по методике, предложенной Г.А. Золотовой (см. [4: 124 и сл.]).

Сознательно организованным результатом речетворческого процесса является связная речь, текст, который подчиняется определенным закономерностям организации и изучается в рамках лингвистики текста. Следует различать два основных объекта лингвистики текста, часто не-

дифференцированно именуемых «текст»: 1) целое речевое произведение – текст, т.е. текст в широком смысле слова, или макротекст и 2) сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) – текст в узком смысле слова, или микротекст (см. об этом [7]).

Текст, целое речевое произведение не обладает системно-языковыми свойствами, не существует таких текстовых конструктивных моделей, которые бы воспроизводились всеми носителями данного языка при построении соответствующего текста. Построение текста, хотя и осуществляется по определенным правилам, носит творческий характер.

Текст – словесное речевое произведение, в котором реализуются все языковые единицы, это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [3: 18].

В.Г. Адмони подчеркивает, что в композиционном смысле между текстом и фрагментом текста существует огромная разница, в связи с этим данные структуры следует резко противопоставить друг другу. Текст строится на основании многообразных структурных закономерностей, определяемых когнитивно-коммуникативной природой текста [1: 89, 90].

Смысловая целостность текста обеспечивается иерархией темы и микротем в тексте. Общая тема – это смысловое ядро текста, концентрированное и обобщенное содержание текста. Частные темы раскрывают общую тему. Мельчайшие частные темы – это сверхфразовые единства (далее – СФЕ). Отдельные предложения-высказывания в составе СФЕ не имеют самостоятельной темы, а служат для выражения одной темы СФЕ, для ее раскрытия:

(СФЕ-1) (1) Степан Аркадьевич сел, прочел письма. (2) Одно было очень неприятное – от купца, покупающего лес в имении жены. (3) Лес этот необходимо было продать; но теперь до примирения с женой, не могло быть о том речи. (4) Всего же неприятнее тут было то, что этим подмешивался денежный интерес в предстоящее дело его примирения с женою. (5) И мысль, что он может руководиться этим интересом, что он для продажи этого леса будет искать примирения с женой, – эта мысль оскорбляла его.

(СФЕ-2) Окончив письма, Степан Аркадьевич придвинул к себе бумаги из присутствия... (Л.Толстой. Анна Каренина).

В СФЕ-1 развивается тема предстоящего примирения Степана Аркадьевича с женой, которое он не хочет связывать с денежным интересом (продажей леса в имении жены). Смена темы на новую тему «бумаги из присутствия» сигнализирует о границе СФЕ.

СФЕ монотематично. Объединение всех составляющих его предложений вокруг одной темы есть появление его смысловой целостности или семантической изотопии.

Единство темы СФЕ часто проявляется в рекуррентности семантических единиц, связанных с темой. Рекуррентность может выражаться в буквальном повторе, в употреблении тематически близких слов и синонимов, в прономинализации и т.п. Так, в пяти предложениях СФЕ-1 наблюдаются следующие случаи рекуррентности (см. таблицу):

Таблица

		1	2	3	4	5
1	письмо	письма	одно (письмо)	—	—	
2	лес	—	лес	лес	—	леса
3	покупать	—	покупавшего	продать	денежный интерес	этим ин- тересом, про- дажа
4	жена	—	имение жены	с женой	с женою	с женой
5	примирение	—	—	примирение	примирение	примирение

Сверхфразовое единство и целое речевое произведение – единицы принципиально различного порядка. СФЕ – понятие синтаксическое. Это – единица синтаксиса, образующая особый уровень по отношению к предложению. Оно является объектом грамматики текста [7: 14]. Целое речевое произведение, в отличие от СФЕ, не поддается описанию в понятиях грамматики текста. Это явление социально-речевое, коммуникативная единица самого высокого уровня, обслуживающая самые различные сферы жизни общества.

Попытка включить текст в широкий смысл в систему языка, представить его как главную единицу языка, предпринята в [5]. Уровень текста, четвертый уровень языка, согласно О.Л. Каменской [5: 50], соответствует уровню фрагментов знания. Содержание текста признается соответствующим относительно законченному фрагменту знания. Структура текста, по О.Л. Каменской, определяется совокупностью связей между предложениями. Автору приходится признать, что структура текста слабо регламентирована законами языка и в значительной мере определяется автором текста. Несмотря на слабую регламентацию структуры текста, связи между его компонентами обязательны, но они носят особый характер. Правила организации текстов гораздо менее жесткие, чем правила организации предложений. У текстов нет общей схемы, нет конечного числа жестких моделей [Op. cit.: 53].

По мнению О.И. Москальской, к изучению сверхфразовых единств приложимы понятия и методы синтаксической семантики. При изучении целого речевого произведения большой формы проблемы синтаксической семантики уступают место проблемам и методам изучения идейного и

художественного содержания произведения. Этим занимается не лингвистика, а литературоведение [7: 15].

Правила построения текста не заложены в системе языка. Механизмы текстообразования изучаются путем специальных тренировок и имеют много индивидуальных вариаций [9: 336]. Но есть общезыковые средства, обеспечивающие синтаксическую связность целого текста.

Рассмотрим некоторые модели дискурсивных стратегий, задающих организацию текстов [6: 311]. При разработке моделей принимается во внимание семантическая и прагматическая информация, учитывается фокус внимания.

Элементарными единицами дискурсивных стратегий, согласно Кэтлин Маккьюин [Op. cit.: 320 и сл.], являются риторические предикаты, отражающие структурное отношение между пропозициями в тексте. К числу риторических предикатов относятся: атрибутив, эквивалент, конкретизация, объяснение (рассуждение после вывода некоторого умозаключения), основание для утверждения (данного факта), аналогия, представитель (элемент, представляющий множество), состав (представление составных частей или подклассов), взаимосвязь (утверждение, описывающее связь предшествующего и последующего действия или состояния), альтернативы, причина – следствие, противопоставление, умозаключение, идентификации, переименование, постулирование.

(1) Элтивилл (Германия) – один из центров виноделия в правобережной части Рейнской области. (2) Виноградники дают вина характерного Рейнского типа (3) со значительным преобладанием белого вина. (4) К числу виноградников этого типа принадлежат Таубенберг, Зонненберг и Лангенштук (Paterson).

К. Маккьюин квалифицирует этот микротекст как схему идентификации и выделяет в этой схеме следующие компоненты: (1) Идентификация, (2) Атрибутив, (3) Развитие, (4) Конкретная иллюстрация.

Схема идентификации отражает стратегию, используемую для формирования определений. К числу типовых приемов этой схемы относятся: идентификация элемента как члена класса, описание составных частей или атрибутов объекта, аналогии и примеры (конкретная иллюстрация):

(1) Город Гусятин, или, в просторечии, Гусь, тут всегда высился над другими поселениями, (2) как Париж над разными Нантами и Шартрами. (3) Крупные купцы тут жировали весь прошлый век. (4) Например, один такой Окоемов Илья отгрохал себе трехэтажный дом с колоннами. (5) Брат его Фома до трех этажей не дотянул (В.Аксенов. Кесарево свечение).

В приведенном микротексте схема идентификации реализуется семантическими компонентами со следующими риторическими предикатами: (1) Идентификация, (2) Аналогия, (3) Атрибутив, (4) Конкретизация, (5) Развитие.

Риторические модели являются описательными, а не предписывающими. Они обычно используются для достижения дискурсивных целей, но не являются единственно возможными. Что касается пропозиций, которые лежат в основе семантики предложений, то они квалифицируются довольно строго. Так, в приведенном выше микротексте представлены следующие пропозиции: высится над (город, другие поселения); высится над (Париж, Нанты); жировать (купцы); отгрохать (Окаемов, дом); иметь (дом, колонны); быть трехэтажным (дом) и др.

Если вернуться к СФЕ-1, то его риторическую структуру можно квалифицировать как описание и выделить в нем такие риторические предикаты: (1) тема (письмо); (2) атрибутив (письмо – неприятное); (3) конкретизация (письмо от купца, покупавшего лес); (4) атрибутив (лес в имени жены, который надо было продать); (5) развитие (до примирения с женой не могло быть речи о продаже); (6) объяснение (этим подмешивался денежный интерес в дело примирения); (7) развитие (эта мысль оскорбляла героя).

Приведем в качестве примера микротекст и его перевод на английский язык, посмотрим, как осуществляется межъязыковая трансляция семантико-синтаксического и тексто-риторического содержания:

(1) Все смешалось в доме Облонских. (2) Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и (3) объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. (4) Положение это продолжалось уже третий день и (5) и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами (Л.Толстой. Анна Каренина).

(1a) The Oblonsky home was in turmoil. (2a) The wife had discovered that her husband was having a love affair with their former French governess and (3a) she told him she could no longer live under the same roof with him. (4a) This state of affairs had prevailed for three days and (5a) was painfully felt not only by the husband and wife but by all the other members of the household as well (Перевод Маргарет Веттлин).

С тексто-риторической точки зрения приведенный микротекст квалифицируется как реализация атрибутивной модели (схемы). Схема атрибута используется для иллюстрации жизненной ситуации, сложившейся в семье Облонских: (1) атрибутив (тема); (2) основание (причина); (3) развитие; (4) атрибутив; (5) развитие.

С семантико-синтаксической точки зрения в (1a) локатив *в доме Облонских* представлен номинативом *the Oblonsky home*. В английском тексте синтаксическая модель изоморфна риторическому атрибутивному предикату.

Приведем пример межъязыковой трансляции структурно-предикативных, позиционно-пропозициональных структур.

(1) Как и во всех местах, где собираются люди, так и на маленьких немецких водах, куда приехали Щербачские, совершалась обычная как бы кристаллизация общества, определяющая каждому ее члену определенное и неизменное место.

Как определенно и неизменно частица воды на холоде получает известную форму снежного кристалла, так точно каждое новое лицо, приехавшее на воды, тотчас же устанавливалось в свойственное ему место (Л.Толстой. Анна Каренина).

(1a) In the little German health resort to which the Scherbatskys had come, as in any place where people congregate, what might be called the "crystallization" of society occurred, by which each member falls into a definite and unalterable place. Just as definitely and unalterably as a particle of water takes on the form of a snow crystal in the cold, so did every new arrival at the health resort fall into the place that suited him (Перевод Маргарет Веттлин).

В микротекстах (1) и (1a) вводится тема «кристаллизации» на маленьких курортах. Структурная схема (означающее предикативного отношения) в (1): *на маленьких немецких водах // совершалась кристаллизация общества; каждое новое лицо // устанавливалось в свойственное ему место.* Структурная схема (1a): *the "crystallization" of society // occurred; every new arrival // falls into the place that suited him.*

В позиционной схеме (означающем пропозиции) первого предложения микротекста (1) можно выделить восемь основных пропозиций: кристаллизуется (общество); собираются (люди); имеет место (кристаллизация); маленькие (немецкие воды); приезжают (Щербацкие); определяется место (член общества); определенное (место); неизменное (место). Во втором предложении первого микротекста скомбинированы семь основных пропозиций: получать форму (вода); снежный (кристалл), известная (форма); приезжает (некто); новое (лицо); устанавливать место (некто); свойственное (место).

В первом предложении микротекста (1a) позиционной схеме соответствуют девять пропозиций: come (Scherbatskys); German (health resort); little (health resort); congregate (people); call (somebody); crystallize (each member); fall into place (each member); definite (place); unalterable (place).

Во втором предложении микротекста (1a) позиционная схема репрезентирует семь пропозиций: takes on form of (crystal); snow (crystal); arrive (somebody, health resort); fall into place (arrival); every (arrival); new (arrival); suite place (arrival).

В тексте переводе сохраняется структурная и позиционная схема микротекста. Наблюдаются некоторые изменения в поверхностной реализации, которые можно легко объяснить с когнитивной точки зрения.

Любое утверждение о мире предполагает определенный контекст мнения в рамках концептуальной системы говорящего, а словесное выражение высказываний следует рассматривать как метки на непрерывном пространстве смысла [8]. Выражение и восприятие смысла текста обеспечивается наличием концептуальной системы у участников языковой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 154 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – 3-е изд., стереотипн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. Иванова В.И. Содержательные аспекты предложения-высказывания. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. – 62 с.
5. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1990. – 150 с.
6. Маккьюин К. Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 24: Компьютерная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 311–356.
7. Москальская О.И. Грамматика текста: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1981. – 183 с.
8. Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учеб. пособие. – М.: Восток – Запад, 2007. – 408 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12-и т. – Т.8. – М.: Художественная литература, 1974.
- Tolstoy L. Anna Karenina. Book One / Translated by M. Wettlin. – М.: Raduga Publishers, 1986.

О.М. Корытова

УНИВЕРБАЦИЯ КАК СПОСОБ КОМПРЕССИВНОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Изучение языка как исторически развивающегося объекта и основных особенностей языковых изменений тесно связано с описанием сущностных характеристик языка и является неотъемлемой частью исследования форм его существования. Отличительной чертой любого языка является его способность реагировать на всевозможные изменения в культурной, общественной, экономической жизни его носителей. Словарный состав любого языка «постоянно находится в текучем состоянии» [1: 24], особенно остро и быстро реагируя на происходящие в обществе перемены.

Согласно исследованиям [14], в русском, английском и немецком языках потребности номинации редко удовлетворяются однословными наименованиями: новое понятие чаще всего обозначается сочетанием двух и бо-